

Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО 6 СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Воскресенье, 18-го (31-го) Іюля 1904 года.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ № 8155.

ОТКРОВЕННЫЕ РАЗГОВОРЫ.

„Полемика“ надъ свѣжей могилой.

У насъ есть одна очень дурная привычка... Когда кто-нибудь умираетъ, мы сейчасъ-же начинаемъ учитывать оставленное имъ наслѣдство, даже и въ томъ случаѣ, если къ этому наслѣдству мы не имѣемъ ровно никакого отношенія...

Эта скверная манера считать деньги въ чужомъ карманѣ не оставляется даже тогда, когда умираетъ, напримѣръ, крупный писатель...

Поговоривъ о безсмертномъ наслѣдствѣ его духа, о его произведеніяхъ, о его талантѣ, тотчасъ-же переходятъ къ совершенно празднымъ и скажу, прямо, — неприличнымъ разговоромъ о его денежныхъ дѣлахъ, о его долговыхъ счетахъ и отношеніяхъ...

Правда, все, что касается даже самыхъ мелкихъ сторонъ жизни угасшаго таланта, должно интересоватъ всѣхъ, кому дорогъ этотъ талантъ...

Но должны-же быть извѣстные предѣлы такому любопытству...

А главное: должно же дать хоть остынуть праху писателя, прежде, чѣмъ начинать толки и пересуды о его денежныхъ дѣлахъ...

Но у насъ съ этимъ не принято считаться...

Не успѣлъ умереть Чеховъ, не успѣла еще закрыться его свѣжая могила, какъ уже на столбахъ газетъ загорѣлась полемика... и полемика не о талантѣ Чехова, не о его произведеніяхъ, не о ихъ значеніи, а о томъ, сколько платили Чехову за его сочиненія...

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ А. С. Суворинъ, между прочимъ, упомянулъ, что Чеховъ, продавши право на изданіе своихъ сочиненій А. Ф. Марксу за 75,000 рублей, чувствовалъ себя какъ бы въ вѣчной кабалѣ у Маркса.

Этотъ послѣдній не замедлилъ тотчасъ же возразить.

Въ „Нов. Вр.“ напечатано письмо г. Маркса, въ которомъ онъ, между прочимъ, заявляетъ, что за 75 тыс. руб. имъ приобрѣтены только тѣ сочиненія Чехова, которыя написаны покойнымъ писателемъ до заключенія договора, т. е. до 1899 года; всѣ послѣдующія произведенія Чехова печатались въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ за особый гонораръ, „получая съ него, Маркса, дополнительный гонораръ, доходившій до 1,000 руб. за печатный листъ“. Изданное имъ, Марксомъ, собраніе сочиненій Чехова редактировалось самимъ авторомъ, и въ него вошли имъ самимъ указанная произведенія; 75 тысячъ уплачены не въ 3 года, а менѣе чѣмъ въ два, и онъ, Марксъ, можетъ все сказанное подтвердить документально.

И вотъ, пока г. Суворинъ съ г-номъ Марксомъ спорять о денежныхъ дѣлахъ Чехова, вокругъ нихъ уже начинается настоящая свистопляска...

То изъ одной газеты, то изъ другой, то на одного изъ спорящихъ, то ен другого выливаются цѣлые ушаты грязныхъ помоевъ...

И это называется у насъ „литературной полемикой“...

Невольное чувство гадливости испытываешь, читая всю эту, съ позволенія сказать, „полемику“...

Поэтому, чтобы не вызывать у васъ такого же чувства, я не хочу приводить ни одного изъ полемическихъ перловъ“...

Меня интересуеть совсѣмъ другой вопросъ.

Меня интересуеть, *что* бы сказалъ самъ Чеховъ, увидя, какъ по газетнымъ столбцамъ треплется теперь его имя, чистое имя истиннаго идеалиста, треплется на ряду съ разными полемическими „красотами“, какъ его имя служить орудіемъ для сведенія чьихъ-то личныхъ счетовъ, и при томъ счетовъ совсѣмъ не литературнаго свойства...

Но увы! Чеховъ теперь ничего уже не скажетъ, какъ не тревожать его прахъ, его чистую душу всѣ эти господа „полемисты“...

За него, однако, успѣла уже сказать подруга его жизни—осиротѣвшая его вдова О. Л. Чехова-Книпперъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, она *очень недовольна* всей этой возгорѣвшейся надъ могилой ея мужа полемикой.

Во время остановки поѣзда съ прахомъ А. П. Чехова въ Вильнѣ, г-жа Чехова подѣлилась съ редакторомъ „Вил. В.“ нѣкоторыми свѣдѣніями о покойномъ и, между прочимъ, замѣтила.

— Послѣдній годъ мужъ мой,—говорила г-жа Чехова,—провелъ хорошо, матеріально былъ обезпеченъ... *Странно и обидно* было мнѣ читать въ газетахъ сообщенія Суворина, Дорошевича и другихъ, что онъ „закабалить себя“ и это его будто бы угнетало, мучило... *Зачѣмъ они все это пишутъ?*.. Мой мужъ меньше всего заботился о своемъ матеріальномъ положеніи...

Это безразличное отношеніе покойнаго къ матеріальному своему положенію, между прочимъ, подтверждается и слѣдующимъ фактомъ: въ „Русск. Мысли“ Чеховъ получалъ 500 руб. съ листа и лишь благодаря настояніямъ молодыхъ писателей, рѣшившихся выйти изъ-подъ издательской кабалы, Чеховъ отдалъ свой „Вишневый садъ“ въ сборникъ „Знанія“, получивъ 1,500 руб. съ листа!..

Все это такъ похоже на Чехова, что мы, конечно, не имѣемъ никакого основанія не довѣрять словамъ его вдовы...

И, по моему, эти слова должны были бы разъ навсегда прекратить эту въ высшей степени неприличную полемику.

И странное дѣло!

Всѣ, даже мало знакомые съ Чеховымъ люди знали отлично, что Чеховъ „меньше всего заботится о своемъ матеріальномъ положеніи“...

Отчего же тѣ, кто его любилъ и кто теперь такъ распинается за его денежные интересы, *при жизни* не позаботились о защитѣ этихъ интересовъ отъ „кабалы“?

Да прежде всего потому, что онъ, по свойственной ему деликатности, *не позволилъ бы* имъ этого...

Ну, а теперь?

Теперь можно...

Теперь „деликатничать“ и „миндальничать“ не требуется, потому что никто не запретить и кувыркаться вокругъ его могилы, и въ полемическомъ задорѣ забрасывать другъ друга грязью, нисколько не задумываясь надъ тѣмъ, что брызги этой грязи могутъ обрызгать и дорогую могилу...

Василій Ивановъ.